

С древнейших времен, когда впервые было осознано, что человек живет в преобразованном, «искусственном» мире, и до наших дней идет обсуждение вопроса о том, чем является исключенность человека из естественного природного бытия: благом или злом.

Так, представители кинического направления античной философии доказывали, что культура и общество с их законами и требованиями есть главные источники зла, поскольку они искажают естественную сущность человека.

В Новое время Ж.-Ж. Руссо доказывал, что культура сделала человека несчастным, обременив его тяготами, неравенством, социальными бедами, т.е. всем тем, что отсутствует в мире природы и там, где человек еще сохранил с ней непосредственную связь. Подобные мысли развиваются и в ряде современных экологических утопий. Тем не менее даже самым радикальным апологетам природы представляется очевидным, что человек и культура связаны между собой и что вне культуры невозможно не только бытие человека, но и он сам как особая сущность. Поэтому вопрос ставится не о необходимости культуры как таковой, а о ее сути и содержании, их соответствии или несоответствии назначению человека, о месте человека в культуре, способах и формах его самореализации в ней.

Развитие научных представлений о культуре описано достаточно полно, в том числе и в отечественной культурологии. Сравнительно недавно историю слова «культура» и понимание его смысла анализировали Л. Г. Ионин и М. С. Каган. Оба отмечали, что слово «культура» (cultura) было введено в оборот древними римлянами как противопоставление слову природа (natura), и означало оно культивирование, т. е. возделывание, выращивание чего-либо, поначалу — растений и животных, обработку почвы. Но постепенно уже в Древнем Риме стали писать и говорить о культуре души, культуре ума, поскольку заметили, что человек и его жизнь могут быть «культивированными», «обработанными» в сравнении с природным, естественным. Вот этот первичный смысл — понимание культуры как неприродного, возделанного, обработанного, улучшенного, усовершенствованного по отношению к естественному — сохранился до наших дней. Все культурологи согласны с тем, что культура — это не природа. Но что же именно, если речь идет не о сельском хозяйстве, а о жизни человека и общества?

В Европе Нового времени исследовательское внимание к тому, что называлось культурой, впервые отчетливо проявилось в XVIII в., веке Просвещения. Именно тогда главным достоинством человека стала считаться разумность, возвышавшая его над всем природным. В просветительском понимании культура сводилась к знаниям, усвоение которых обеспечивалось просвещением, образованием, воспитанием. Культурный человек галантного века — это человек образованный, воспитанный, умеющий себя вести в обществе соответственно нравам, нормам и формам поведения,

принятым в нем. От такого понимания культуры и культурности кое-что дошло и до наших дней.

Вместе с тем, в конце XVIII в. сформировалось устойчивое значение самостоятельного термина «цивилизация», который в результате долгой эволюции стал

*выражать смысл исторического процесса и его достижений: очищение нравов, воцарение законности и социального порядка .*

Понятия «цивилизация» и «цивилизованность» (от лат. *civis* — гражданин) постепенно стали связываться с обеспечением комфортности жизни, достижениями промышленности, науки и техники. На рубеже XVIII и XIX вв. понятия «цивилизация» и «культура» стали употребляться во множественном числе. Речь шла уже не только о культуре, но о культурах разных человеческих сообществ. Это отчетливее всего прозвучало у Й. Г. Гердера. В то же время термин «культура» свободно замещался термином «цивилизация».

В XIX в. начались активные эмпирические исследования различных культур этнографами, археологами, антропологами. Накапливаемый исследовательский материал подвергался теоретическим обобщениям. Стало развиваться антропологическое понимание культуры, поначалу — как историко-этнографическое. Один из основателей культурной антропологии Э. Б. Тайлор считал:

*Культура или цивилизация... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества.*

В то же время, по его мнению,

*...с идеальной точки зрения на культуру можно смотреть как на общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного человека и целого общества с целью одновременного содействия развитию нравственности, силы и счастья человека.*

Такой подход, развиваемый и другими антропологами (например, Л. Морганом), выявлял понимание культуры, свойственное XIX в.

Во-первых, под культурой стали понимать все то, в чем воплощается и выражается духовное состояние и развитие человека и общества. Что же именно — определялось эмпирически-описательно.

Во-вторых, признавали, что культура присуща всем человеческим сообществам на всех стадиях их развития, но в разной степени. При этом слово «цивилизация» употреблялось почти как синоним по отношению к понятию «культура», потому что цивилизация представлялась более высокой степенью развития общества. Те или иные народы считались отсталыми или передовыми, цивилизованными, прошедшими путь от дикости, через варварство к цивилизации.

И, наконец, в-третьих, культуру понимали как нечто позитивное, содействующее развитию нравственности, силы и счастья человека. Романтический протест Ж.-Ж. Руссо, который в XVIII в. доказывал, что с прогрессом культуры связано падение нравственности и что естественное (природное) уродуется искусственным (культурным), казался исключительным и экстравагантным заблуждением.

В XX в., однако, кардинально изменилось отношение к прогрессу вообще, в том числе к прогрессу цивилизационному и культурному. В век мировых войн, невиданного размаха экономического, социально-политического и духовного насилия разного рода ценность достижений цивилизации (и отождествлявшейся с ней культуры) выглядела очевидно сомнительной. О. Шпенглер одним из первых в своей книге «Закат Европы» стал утверждать, что цивилизация — не высшая степень развития культуры, а стадия ее загнивания, исчезновения. Враждебность человеку создаваемого им же искусственного мира показалась очевидной многим мыслителям. В связи с этим изменились и оценки уровня духовного состояния не только Западной цивилизации (хотя ее особенно), но и вообще достигнутого человечеством, его духовных ценностей.

Впрочем, некоторые мыслители (С. Кьеркегор, К. Маркс, Ф. Ницше), начиная с середины, но особенно — в конце XIX в., отмечали ценностный кризис европейской цивилизованности и культурности, казавшейся до того если не идеалом, то вершиной. Недаром с этого момента в философских размышлениях о культуре, в частности, началось ускоренное развитие ценностного понимания культуры, того, что с ней происходит, и обнаружилось стремление к переоценке ценностей, к существенным переменам в культуре.

Становление ценностных пониманий культуры было связано с исследованиями философов-неокантианцев (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.). По мнению Г. Риккерта, например, культура — это

*то, что непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеянным им ради связанной с ним ценности.*

При этом если от объекта культуры «отнять всякую ценность, то он... станет частью простой природы». В общем, с этих позиций культура стала рассматриваться прежде

всего как совокупность ценностей, особой значимости тех или иных явлений.

Известный социолог русского зарубежья П. Сорокин считал, что именно ценность «служит основой и фундаментом всякой культуры».

Для понимания существа и особенностей культуры в XX в. очень важным оказалось также развитие символизма и семиотики на основе философии и лингвистики. С семиотических позиций культура —

*это совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество или данный народ поддерживает свою сплоченность, оберегает свои ценности и своеобразие своей культуры и ее связи с окружающим миром.*

При этом знак понимается как «чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения». Культура порой понимается и как совокупность знаков-символов, особых условных многозначных смыслов. Так, у неокантианца Э. Кассирера все формы культуры рассматривались как иерархия «символических форм».

Постепенно к XX в. сложился целый ряд концепций культуры и ее взаимосвязи с цивилизацией. На Западе в культурной (или культуральной), а чаще — в социальной антропологии

*культура рассматривается как жизнь человека в прошлом и настоящем, протекающая в условиях различных форм поселения, в составе социальных и этнических групп, разбросанных по земному шару и отличающихся своеобразным и социально наследуемым жизненным укладом.*

Культуры понимаются как адаптивно-адаптирующие системы, обеспечивающие устойчивые в историческом времени стратегии физического и духовного выживания той или иной популяции».

Такое общее понимание не означает единства в трактовках культуры, которая представляется либо как система символов и переплетение значений (К. Гирц), либо как символическая реальность (Л. Уайт), либо как средство удовлетворения человеческих потребностей (Б. Малиновский), либо как научаемое поведение, как социальное наследие, как образцы поведения и т. д.

Для западной антропологии и культурологии в целом характерны практическая, прагматическая направленность исследований и стремление сделать культуру предметом научного анализа, близкого к естественнонаучному. Существует, правда, и направленность к философским и общесоциологически ориентированным пониманиям культуры. С одной стороны — объективистское, позитивистское понимание очень четко

было выражено З. Фрейдом, считавшим культурой все достижения и учреждения, отличающие нашу жизнь от жизни животных, помогающие человеку защититься от природы и регулировать отношения между людьми. С другой стороны — гуманистически ориентированные понимания культуры, которая, согласно Г. Зиммелю, представляет собой

*те вещи, которые... ведут к самоосуществлению души либо представляют собой те отрезки пути, по которому индивид или сообщество должны идти к более возвышенному существованию.*

Такое понимание культуры развивалось А. Швейцером, Н. К. Рерихом.

Философско-культурологическая мысль в России XIX — начала XX в. находилась под воздействием западноевропейской и в постоянной полемике с последней. Суть не только в том, что у российских мыслителей появлялись свои оригинальные культурологические концепции, как, например, концепция культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. В России постепенно укреплялось понимание культуры прежде всего как религиозно-духовного опыта человечества. При этом

*...сущность духовного связывается с объективной надиндивидуальной реальностью, которая одновременно укоренена также в сердце верующего человека, открываясь ему через внутреннюю работу над собой, через культивирование чувства любви и нравственного отношения к окружающему миру и близким, через религиозный опыт.*

Именно такой подход к культуре был характерен в XX в. для представителей русского зарубежья: Н. А. Бердяева, который противопоставлял культуру символическую, религиозно-глубокую внешней цивилизованности; И. А. Ильина, согласно которому содержание культуры — это дух совершенствования человека, его ответственность, нравственная чистота.

В советское время такая же направленность в понимании существа культуры — не только в религиозном, но и в светском смысле — была присуща С. С. Аверинцеву, М. М. Бахтину, Д. С. Лихачеву, А. Ф. Loseву. Д. С. Лихачев считал, что в понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и человечества, искусство. Он рассматривал культуру как результат знания, но не рассудочного, а согретоного нравственным и эстетическим чувством, отмечая, что «вечное в духовной области — это красота и нравственность». Говоря о ценностях культуры, он выделял заботу о других, искренность, любовь, честь, порядочность<sup>1</sup> и т. д. Таким образом, утверждалось гуманистически-ценностное понимание культуры.

В послевоенное время активно развивавшаяся отечественная культурология основывалась на марксистской философии — диалектическом и историческом материализме. Поэтому понимание культуры (делимой на материальную и духовную) пытались объективировать, понять материалистически, избавляясь от «ценностного субъективизма» и идеализма. М. С. Каган в книге «Философия культуры» привел целый ряд определений культуры, характеризующих ее понимание в этот период. При всем разнообразии этих определений в их числе выделяются несколько более или менее общих трактовок. Культура понимается как:

- способ человеческой деятельности (технология, способы и результаты человеческой деятельности);
- знаковая система, наследственная память, система хранения и передачи духовного опыта, система духовного производства, совокупность материальных и духовных ценностей, воплощенные ценности и т. д.

М. С. Каган придерживался деятельностного понимания: культура — это то, «что и как делает человек и как это на нем отражается».

Представители московско-тартуской школы (Ю. М. Лотман и др.) в понимании культуры важнейшим считали ее символичность, знаковость. Сторонники аксиологического понимания культуры делают акцент на ее ценностной сущности. Таким образом,

*Культура понимается преимущественно или предельно расширительно: как все способы и результаты человеческой деятельности; или как семиотическая знаковая система; или как совокупность ценностей.*

Все три подхода так или иначе пересекаются, не вполне исключая друг друга. Что-то в современных российских трактовках культуры идет от более ранних подходов — просветительского, гуманистически ценностного, что-то — от современной западной культурной и социальной антропологии. Сосуществует множество разных определений и пониманий культуры, что свидетельствует как о сложности самого феномена, так и о недостаточной развитости теоретических представлений о нем.

Основные векторы и ориентиры современной культурологии снова и снова подвергаются научному анализу.